

После праздника в честь первого месяца жизни Хунши императрица Нала не стала спешить с возвращением власти над внутренним двором, а вместо этого направилась во Дворец Милосердия и Покоя.

Вдовствующая императрица Нюхуру, ласково улыбаясь, то и дело повторяла: «Оставь церемонии», однако Нала всё равно склонилась в глубоком, безупречном поклоне.

Нюхуру благосклонно приняла эту почтительность. Не скупясь на милость, она велела стоявшей подле матушке Гуй принести для гостя сиденье.

Опустившись на расшитый пуф рядом со свекровью и глядя на эту благообразную, приветливую старуху, Нала больше не чувствовала прежнего душевного тепла. Ей оставалось лишь смиренно опускать взор и сыпать подобающими случаю благопожеланиями.

Заметив, насколько спокойнее и сдержаннее стала императрица, Нюхуру с улыбкой промолвила:

— Раз уж ты совсем оправилась от родов, дела внутреннего двора снова ложатся на твои плечи. Тебе и заботиться о них.

Эти слова затронули как раз ту тему, ради которой Нала сегодня пришла.

— Августейшая матушка, — послушно отозвалась она. — С тех пор как на свет появился Хунши, немощь никак не оставит невестку. Пусть делами, как и прежде, заправляют сестры-наложницы, а вас я смиренно прошу принять бразды правления над внутренним дворцом и наставлять меня, неразумную.

Говорила Нала на редкость искренне: за семью долями смирения крылись три доли чистой правды. Раз уж единоличное управление дворцом требовало столько сил и не приносило ничего, кроме упреков, стоило пойти иным путем. Оставить при себе фениксовую печать, а саму власть отдать наложницам — пусть грызутся между собой за крохи влияния.

Нюхуру оценила то, что императрица не цепляется за власть. Она была искренне рада. И всё же, соблюдая приличия, вдовствующая императрица для виду поотнекивалась, прежде чем благословить этот шаг.

Накануне Нала милостиво отпустила часть дворцовых слуг на волю, а взамен распределила новых людей по покоям наложниц. Предлог был безупречен: императрица совершает благодеяние во имя здоровья новорожденного сына. Поскольку из Дворца Икунь ушло особенно много челяди, пришло время обновить штат и устроить большой отбор.

Слуг из Дворца Небесной Чистоты и Дворца Милосердия и Покоя императрица трогать не стала. Зато надежных людей собрала вокруг себя и маленького Хунши, а лазутчиков,

подосланных к ней из других дворцов, перемешала и разослала кого куда.

Нюхуру долго всматривалась в списки слуг. Она молчала, не поднимая глаз на невестку.

Нала с горьким вздохом, точно в полузабытьи, прошептала:

— Августейшая матушка, когда не стало моего пятого ребенка, сердце мое разбилось вдребезги. Слава небу, остался Иньжэн, а теперь вот родился Хунши. Они оба — жизнь моя. Если с ними, упаси боги, что-то случится... и мне не жить. У старых слуг из этих списков слишком много вредных привычек, которых уже не вытравить. Вот я и решила набрать новых, чтобы воспитать их с самого начала под своим присмотром.

В этих словах звенела чистая правда. К тому же, если у императора один за другим будут гибнуть законные сыновья, это бросит тень на всю династию. Нюхуру прищурилась, пристально разглядывая императрицу, после чего согласно кивнула.

Получив «милостивые дары» от императрицы, наложницы переменились в лице. В покоях то и дело в ярости комкали шелковые платки; наложницы замерли в тревожном ожидании, следя за каждым шорохом во Дворце Икунь. Однако никаких новых шагов со стороны Налы не последовало. Не понимая, какую игру затеяла государыня, обитательницы гарема притихли, и во внутреннем дворе наконец воцарился относительный покой.

Линь-фэй окинула взглядом коленопреклоненных слуг. Она крепче сжала шелковый платок, но тут же расслабилась и кротко улыбнулась:

— Раз уж вам довелось служить в моих покоях, чтите здешний устав, и я вас не обижу. Ламэй, уведи их.

Дунсюэ как раз вовремя поднесла чашу с ласточкиными гнездами. Линь-фэй приняла пиалу и сделала глоток нежного, едва уловимо благоухающего отвара. Это были редчайшие «кровавые гнезда» высшего сорта — личный дар самого императора! Подумав о том, что её наряды и яства ничуть не уступают императорским, Линь-фэй ощутила приятное тепло в груди и одобрительно кивнула служанке.

Едва пригубив лакомство, она отставила пиалу на высокий столик, ополоснула рот и лениво откинулась на мягкую кушетку. Наложница медленно выдохнула и устремила взгляд в сторону Дворца Икунь.

«Какие бы козни она ни строила, сколько бы слуг ни меняла, новые соглядатаи всё равно появятся. Ведь людям свойственно тянуться к свету и искать покровительства сильных, не так ли?»

Иньжэн, до которого в Обители принцев дошли слухи о действиях императрицы, лишь со

вздохом покачал головой и вернулся к чтению «Исторических записок» Сыма Цяня. Он не ожидал от матушки подобной решимости. Жаль только, пойми она свое положение и начни действовать раньше, её былая красота и стать могли бы растопить сердце Хунли. Теперь же... всё, на что она могла рассчитывать, — это внешнее почтение и соблюдение приличий. Отныне государь и государыня будут чужими людьми, скованными холодным этикетом.

Клан Уланара прислал двух лекарей и двух искусных поваров из числа собственных доверенных слуг-баои, а также отобрал несколько чистых перед законом сирот из ведомства Внутреннего двора. Матушка Ли действовала открыто, а Линь Яо оставался в тени. Разумно сочетая щедрые милости и суровую строгость, императрица и её родня меньше чем за месяц навели во Дворце Икунь образцовый порядок.

Перемены, разумеется, не укрылись от взора Цяньлуна и вдовствующей императрицы. Видя, как покладиста и спокойна стала Нала в последнее время, император невольно подумал: «Воистину, материнство делает женщину сильной. Правы были древние».

Избавившись от её вечных «горьких истин» и назойливых поучений, Цяньлун охотно выказывал супруге положенное уважение. Он даже сквозь пальцы смотрел на то, что Иньжэн почти всё время проводит во Дворце Икунь подле маленького Хунши.

Вдовствующая императрица Нюхуру тоже радовалась, видя неизменную почтительность невестки. Раздоры между правителем и его супругой вредили чести правящего дома, так что холодное согласие было лучшим выходом для всех.

К сотому дню со дня рождения Хунши Линь-фэй была уже на пятом месяце беременности. Она словно светилась изнутри мягким материнским теплом и смотрела на новорожденного Хунши с такой жадной, мечтательной нежностью, что тот просто не мог этого выносить. Младенец лишь испуганно переводил взгляд на Иньжэна, моля о помощи.

Иньжэн демонстративно отвернулся.

«Ну что я, малолетний принц, могу сделать наложнице отца при всем честном народе!»

Поняв, что спасения ждать неоткуда, Хунши крепко уцепился крохотными пальчиками за парчовое платье Налы, боясь, что его отнимут и передадут в чужие руки.

Присутствовавшие на пиршестве знатные дамы императорского клана наперебой расточали похвалы виновнику торжества. Заметив, как испуганно и жалобно Хунши косится на Иньжэна, одна из гостей с улыбкой заметила:

— Надо же, как тринадцатый принц тянется к старшему брату! Прямо не оторвать.

Налу тоже забавляло безмолвное препирательство сыновей. В конце концов она передала

младенца на руки Иньжэну, а сама вернулась к светской беседе. К этому времени она уже привыкла видеть во втором сыне не по годам рассудительного отрока, способного принимать самостоятельные решения. Помимо забот о его столе и одежде, она полностью доверила ему управление собственным двориком в Обители принцев.

Обычно на таких празднествах младенцев лишь ненадолго являли гостям, после чего уносили в покои, оставляя взрослых веселиться. Однако Хунши, томимый смутным беспокойством, отчаянно сучил ножками и цеплялся за Иньжэна, наотрез отказываясь покидать залу.

Иньжэн не понимал причин этого младенческого страха и лишь вполголоса ласково уговаривал брата успокоиться, уже подумывая, не откланяться ли им обоим.

Заметив это, Цяньлун велел Гао Уюну поставить для сыновей мягкое сиденье прямо подле своего трона.

Иньжэн, почтительно склонив голову, поблагодарил отца за великую милость и сел рядом, осторожно прижав к себе Хунши.

Гости в зале были людьми искушенными в придворных интригах. За исключением одного юного принца, который удивленно округлил глаза, все остальные сохранили на лицах безупречно вежливые, непроницаемые улыбки, хотя в душах у каждого закружился вихрь подозрений.

Благородная супруга Цзя, давно не показывавшаяся на людях, тоже почтила пир своим присутствием. На её осунувшемся лице читалась неизлечимая хворь, однако природная хрупкость лишь придавала ей скорбной, болезненной прелести. Было ясно, что дни её сочтены, и придворные тактично замалчивали эту тему.

Заметив, с какой нежностью и грустью Цяньлун смотрит на угасающую женщину, Иньжэн нахмурился. Воспоминания, тенью проскользнувшие в его мыслях, мгновенно омрачили его лицо.

Хунши, почувствовав перемену в настроении брата, встревоженно потянул его за широкий рукав, требуя внимания.

К тому времени слух о том, что тринадцатый принц обделен вниманием отца, шел рука об руку с другим известием: этот малютка души не чает во втором принце.

Не обращая внимания на любопытные и косые взгляды гостей, Иньжэн бережно перехватил поудобнее этого несносного, притворяющегося младенцем упрянца.

Кормилица Хунши замерла подле них, готовая в любой миг подстраховать маленьких хозяев от неловкого движения.

Вскарабкавшись Иньжэну на плечо, Хунши звонко поцеловал его в щеку. Тот на мгновение опешил. Но, взглянув на прищурившегося от удовольствия брата, почувствовал, как лед в его груди тает, уступая место щемящей нежности.

По заведенному предками порядку, в этот день императору следовало разделить ложе с государыней, дабы явить подданным знак высочайшего благоволения к законной супруге.

Когда пир завершился, Цяньлун проводил вдовствующую императрицу до её покоев, после чего велел направить паланкин к Дворцу Икунь.

Нала вместе с сыновьями следовала за ним в фениксовом экипаже. Оказавшись наедине с матерью и братом, Иньжэн поймал крохотную ладошку вертящегося Хунши и негромко произнес:

— Похоже, благородная супруга Цзя угасает на глазах.

Нала на мгновение замерла, а затем тихо отозвалась:

— Да.

— Одиннадцатый принц ведь почти мой ровесник.

— Иньжэн хочет, чтобы у него появился товарищ для игр?

— У меня есть Хунши и вы, матушка. Мне никто больше не нужен.

Императрица промолчала.

— Благородной супруге Цзя улыбнулась великая доля — она принесла отцу троих сыновей. А вот супруга Шу томила в ожидании долгие годы, но так и не сумела сберечь своего единственного принца.

Нала задумалась. Поняв, к чему клонит её не по годам проницательный сын, она ласково погладила его по голове. Иньжэн смущенно прикусил губу и поднял глаза, но встретил лишь безграничную материнскую нежность и гордость. Слегка устыдившись своей порывистости, он прильнул к теплому плечу матери.

Хунши тоже всё понял. Будучи взрослее и зная гораздо больше, он молча смотрел на профиль брата, и сердце его сжималось от тихой боли за него.

Глубокой ночью, когда венценосные супруги улеглись поживать, усталость взяла свое, склоняя

обоих ко сну.

И всё же Нала, немного поколебавшись, решилась прервать молчание:

— Ваше величество, я видела сегодня благородную супругу Цзя. Вид у неё совсем неважный.

Цяньлун, не открывая глаз, лениво уронил:

— Да. Лекари говорят, ей осталось лишь доживать свои дни.

Равнодушие в его голосе заставило Налу горько усмехнуться под покровом темноты.

— Если выдастся свободный час, навестите её, ваше величество. Юньсину ведь исполнилось всего три года, — тихо, со вздохом добавила она.

Цяньлун приоткрыл глаза и повернулся к супруге. Мрак мешал разглядеть выражение её лица, но её слова пробудили в нём любопытство.

— Юньсин... И что же думает об этом императрица?

— Юньсин почти ровесник нашему Иньжэну, к тому же он — сын благородной супруги. Было бы вполне разумно, если бы я взяла его под свое крыло.

При упоминании братьев Юньсина государь посмотрел холодно. Старший, Юньсюань, ничем особенным не отличался, зато Юньчэн уже обзавелся собственным поместьем за пределами дворца и всю выполнял императорские поручения.

— Императрице лучше сосредоточить заботы на маленьком Хунши, — сухомерно отрезал Цяньлун, но тут же смягчил тон: — Как по-твоему, чье попечение подошло бы Юньсину больше всего?

Помедлив, Нала принялась рассуждать вслух:

— Благородная супруга Чунь сама слаба здоровьем. Линь-фэй носит под сердцем дитя. Супруга Юй тоже частенько прихварывает. Пожалуй... супруга Шу подошла бы лучше прочих. Потеряв собственного сына, она одарит Юньсина всей нерастроченной материнской нежностью.

Император прикрыл глаза, размышляя. Суждение супруги казалось на редкость взвешенным и беспристрастным — супруга Шу в самом деле долго сохла по безвременно ушедшему младенцу.

— Пусть будет так. Отдадим мальчика супруге Шу. Когда я навещу благородную супругу Цзя,

то сообщу ей об этом решении, чтобы её душа была спокойна.

— Перед лицом смерти мать тревожится лишь о судьбе своего чада, — тихо промолвила Нала и, выдержав паузу, добавила: — Ваше величество, не стоит ли заодно возвысить супругу Шу в ранге? Всё же Юньсин — сын благородной супруги, и воспитывать его простой наложнице не совсем пристойно.

Цяньлуну показалось, что он разгадал нехитрый замысел супруги. Надо же, завела столь долгую речь лишь ради того, чтобы не дать возвыситься Линь-фэй! Государыня вроде бы научилась действовать в обход, уступать ради победы, однако до истинного мастерства ей было далеко. Впрочем, её доводы звучали вполне убедительно, да и вела она себя в последнее время безупречно, так что стоило пойти ей навстречу. Пусть её уловки шиты белыми нитками — какая разница? Что же до Линь-фэй... ей довольно и его личного благоволения.

На следующее утро Нала поведала о ночном разговоре вдовствующей императрице. В жилах угасающей благородной супруги Цзя текла чужая кровь, да и сама она никогда не пользовалась расположением державной свекрови. Старый Будда без лишних расспросов одобрила это решение и даже похвалила невестку за заботу, назвав её милосердной матерью.

Позже днем Цяньлун навестил угасающую наложницу. Он сообщил о намерении передать Юньсина под опеку супруги Шу и мягко добавил, что та вскоре получит новый, более высокий титул, дабы мальчик ни в чём не знал ущемления. Цзиньцзя-ши, собрав последние силы, покорно склонилась в благодарственном поклоне. Но едва слуги доложили, что императорский паланкин скрылся из виду, она в бессильной ярости смахнула всю посуду со столика на пол.

«Кто бы мог подумать, что эта глупая Нала так поумнеет! — ядовито размышляла она. — Старшим среди принцев остается третий сын, законными наследниками — двенадцатый и тринадцатый, а любимцем императора — пятый. Супруга Шу никогда не пользовалась особым расположением государя. Отдав ей Юньсина, императрица одним махом лишила моих сыновей, Юньчэна и Юньсина, малейшей надежды на престол!»

Пока обезумевшая от злобы Цзинь-ши осыпала императрицу проклятиями, на супругу Шу неожиданно-негаданно пролился золотой дождь императорской милости. Получить под крыло царственного воспитанника, да еще и удостоиться повышения — о лучшем и мечтать не приходилось. Тщательно обдумав случившееся, она облачилась в парадные одежды и поспешила во Дворец Икунь и Дворец Милосердия и Покоя, дабы излить свою безграничную благодарность.

Линь-фэй, узнав о высочайшем указе, лишь ледяно усмехнулась.

«Нала! Придет день, и я растопчу тебя в пыль. А на престол взойдет только мой сын, и никто иной!»